

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Сяо Мэнюань проявляет милосердие к Призрачной тени

Мужун Пяо омывает душу в Нефритовом источнике

Сяо Мэнюань едва заметным движением вскинул руку, и лезвие Меча Сокровенных Небес прижалось к горлу человека в чёрном.

— Не ожидал, что в крепости семьи Лу, в первом доме боевого мира, тоже скрываются «Призрачные тени». Что же, позволь мне взглянуть на твоё лицо и узнать, что ты за важная птица!

Сяо Мэнюань пристально смотрел на врага. Тот тяжело вздохнул и медленно снял маску призрака.

— Хозяин крепости Лу? Как это может быть?

— Союзный глава Сяо, вы, должно быть, и в страшном сне не могли представить, что именно я — тот шпион, что затаился в родовом гнезде.

— Хозяин крепости Лу, мне трудно в это поверить... Зачем вам вступать в ряды «Призрачных теней»? И кто тот убитый мною в чёрных одеждах?

Мэнюань убрал меч и теперь ледяным взглядом сверлил Хозяина крепости Лу.

— Его звали Лу Ван, он был моим управляющим. Не знаю, служил ли он этому «Священному культу» всегда или примкнул позже. Однажды он просто приставил нож к моему горлу и потребовал, чтобы я вступил в их ряды. Я был в ярости, клял его как неблагодарного мерзавца, но он лишь рассмеялся. Сказал, что он — далеко не единственная тень в крепости.

— Хотите сказать, здесь есть и другие?

— Не имею понятия. Лу Ван служил мне десятилетиями, и я даже не догадывался, когда он успел стать посланником культа. Одно я уяснил чётко: эти тени повсюду.

— И ради этого вы предали всё и примкнули к ним?

— Именно так. Я уже стар. Единственное моё желание — чтобы семья жила в покое. Статус «первого дома Поднебесной» — лишь пустой звук. Ради мира в крепости мне пришлось подчиниться.

— Вы хотите сказать, что отказ поставил бы под удар ваших близких?

— Лу Ван передал слова Светлейшего достопочтенного Сурового Солнца. Тот хотел видеть меня в культе, но не требовал от меня великих свершений. А в случае отказа обещал залить крепость кровью. Посмотрите, сколько мастеров за последнее время погибло при невыясненных обстоятельствах! Все знают, что это дело рук культа, но никто не знает, кто станет следующей жертвой.

— И вы, Хозяин крепости Лу, из страха за семью решили отринуть ответственность, возложенную на вас всем миром боевых искусств?

— Сяо Мэнюань, я стар. Наша крепость за пять веков пережила немало бурь, но сейчас она лишь тень былого величия, а стражи — заурядные посредственности. Враг скрыт в тени, а мы на виду. Если культ нападёт всерьёз, наш род прервётся. Ханьянь — свет моих очей. Я вижу, как она счастлива с молодым господином Фаном... Я хотел бы ещё понянчить внуков, пожить несколько лет в покое, поэтому я...

— Значит, крепость Лу и впрямь пришла в упадок. Какая жалость...

Мэнюань посмотрел на седину в волосах Хозяина крепости Лу и невольно вздохнул.

— Прощу, союзный глава, доведите дело до конца. Но умоляю об одном: когда меня не станет, не говорите Ханьянь о моём предательстве. Не хочу, чтобы она горевала... Пусть в её памяти я навсегда останусь отцом-героем.

— Сегодня выдался на редкость удачный день! Союзный глава Сяо Мэнюань за стенами крепости Лу случайно столкнулся с двумя «Призрачными тенями». Обладая непревзойдённым мастерством, он схватил одного из них, но тот, убоявшись кары, покончил с собой. Вторая же тень, воспользовавшись суматохой, скрылась в неизвестном направлении...

Мэнюань улыбнулся и, бормоча это себе под нос, развернулся, чтобы уйти.

— Союзный глава... Вы... Вы отпускаете меня?

Глаза Хозяина крепости Лу наполнились слезами, когда он смотрел в спину Мэнюаню. Тот не обернулся, продолжая путь.

— Послушайте, союзный глава! Светлейший достопочтенный Суровое Солнце — самый страшный человек из всех, кого я встречал. Он знает о крепости Лу больше, чем я, и о Союзе боевых искусств больше, чем вы. Я не видел его лица, но уверен: у него есть иная, тайная личность. Ему прислуживают двое: Священный посланник Холодной Луны и Священный посланник Холодной Звезды, оба — мастера высшего порядка. А ещё при нём есть Тёмный посланник, мастер маскировки, способный обернуться любым из ваших приближённых...

Мэнюань не остановился, но всё же невольно замедлил шаг.

— Он хочет, чтобы Семь мечей воссоединились как можно скорее. Как только это случится, он явится лично. И ещё... Дворец Свободного Скитания уже под его контролем. Боюсь, участь господина Мужун Пяо предрешена...

Занималась заря. Хозяин крепости Лу так и остался стоять на холодном ветру. Силуэт Сяо Мэнюаня давно растаял в дымке, но старик всё смотрел вдаль, погружённый в тяжёлые думы.

***

Раздался утренний звон колокола. Цинсюань и Цинцзин подхватили Цинъюя под руки и поспешили в главный зал.

Даос Юцюань уже облачился в торжественное одеяние. Стоя перед алтарём, он бросил строгий взгляд на старших учеников. Те, понурив головы, быстро сменили одежду и преклонили колени.

— Цинсюань, Цинцзин, вы отвечаете за порядок и чтение молитв. Впредь являйтесь в храм вовремя, не заставляйте младших братьев ждать вас.

— Слушаемся, наставник. Мы виноваты.

Ученики почтительно поклонились, и началась утренняя служба.

Цинъюй тихо стоял снаружи, вслушиваясь в очищающие звуки священных песнопений. На миг ему показалось, что он сам растворяется в этой небесной мелодии...

Когда служба закончилась, братья разошлись по делам. Цинсюань готовил собранный женьшень к спуску с горы, а неугомонный Цинцзин уже всюю расписывал младшим подробности их утреннего приключения.

Ученики слушали, открыв рты, а Цинъюй лишь едва заметно улыбался.

— Цинъюй, ты что, летать умеешь?

— А по отвесным скалам правда можешь ходить? В следующий раз обязательно покажи нам!

— Научи нас, а? Тогда нам никакие пропасти не будут страшны!

Они обступили юношу, наперебой задавая вопросы, пока за их спинами не возник даос

Юцюань.

— Насколько мне известно, во всём нынешнем боевом мире мастеров с такой лёгкостью движений не больше пяти. А тех, кто моложе тридцати лет — всего двое. Один — печально известный разбойник Цао Шанфэй. Второй — господин Дворца Свободного Скитания с Крайнего Севера.

Юцюань как бы невзначай взглянул на Цинъюя, и тот вздрогнул всем телом.

— Наставник, теперь их трое! Ещё и наш младший брат Цинъюй. Всё, расходимся, за работу!

Цинцзин так сиял от радости, что не заметил напряжения. Он разогнал учеников, но сам придержал Цинъюя за плечо.

— Младший брат, иди в келью, отдохни. Храмовые заботы не для тебя, тебе сейчас покой нужен.

— Со мной уже всё в порядке. Я хочу помогать вам...

— И слышать не желаю!

Цинцзин отправил его прочь. Однако Цинъюй не мог найти себе места.

— Цинъюй, раны твои затянулись, — раздался за спиной голос наставника. — Но истинная сила ещё не вернулась к тебе.

— Мастер... Я забыл всё, чем владел когда-то.

Юцюань долго смотрел на юношу, пока тот, не выдержав, не скрылся в своей келье.

***

В крепости Лу утреннее солнце сияло особенно ярко.

Сяо Мэнюань вышел за ворота, чтобы попрощаться с Лу Ханьянь. Девушка смотрела на него с нескрываемой грустью.

— Брат Сяо, вы пробыли у нас всего день. Я даже не успела показать вам наши сады.

— Сестра Лу, вы с молодым господином Фаном и так неразлучны. А я человек одинокий, зачем

мне мешать вашему счастью? Уеду пораньше, чтобы не завидовать.

— Кстати, брат Сяо, а куда подевался ваш «лейкопластырь»?

Ханьянь лукаво прищурилась, вскинув бровь.

— Какой пластырь? Горчичник?

— Брат Сяо, она про девушку Ю спрашивает!

Фан Шутун легонько щелкнул возлюбленную по лбу, отчего та густо покраснела.

— Ах, точно! Где же наша старшая мисс Ю? И впрямь странно.

Мэнюань сделал вид, что задумался, хотя в душе посмеивался. Видимо, Ю Било так никто и не нашёл. Эта заноза, небось, до сих пор дрыхнет где-нибудь под кустом...

— Лу Ханьянь! А ну выходи, дрянь такая!

Не успел Мэнюань закончить мысль, как со двора донеслись яростные вопли. Он вздохнул: проснулась-таки.

— Ю Било, чего ты разоралась с утра пораньше? Что стряслось?

— Что стряслось?! Лу Ханьянь, ты — змея подколодная! Как ты могла бросить меня в углу своего двора? Утром пришла баба, что выгребает ночные горшки, и чуть не выплеснула всё это на меня! Спрашивает ещё: «Барышня, с вами всё хорошо?». От неё воняло так, что я чуть не задохнулась!

— Мы выделили тебе лучшие покои. А если ты решила поваляться в грязи под забором, то мы-то тут при чём?

— Ханьянь, не отпирайся! Это твоих рук дело!

— Ю Било, не смей на меня клеветать!

Било стояла перед ними — волосы всклокочены, одежда в беспорядке. Она в ярости тыкала пальцем в Лу Ханьянь, которая уже и сама побледнела от гнева.

— Ладно-ладно, давайте я разберусь.

Мэнюань с трудом сдерживал смех, сохраняя напускную строгость.

— Госпожа Ю, как же вы оказались под стеной? Неужели сестра Лу прокралась к вам ночью и утащила вас на руках?

— Нет... Ночью я пошла к тебе в комнату. Заглянула — тебя нет. И тут кто-то ударил меня сзади. Очнулась уже в канаве.

— В моей комнате? Так это я во всём виноват?

Мэнюань посмотрел на неё с видом полнейшей невинности.

— А позвольте спросить, что госпожа Ю делала ночью в покоях союзного главы? — Фан Шутун сложил веер, хитро поглядывая на гостью.

— Я... Я волновалась за брата Сяо! Решила проверить...

— О, тогда это досадное недоразумение! Видите ли, ночью я заметил двух подозрительных личностей и бросился в погоню. Видимо, одна из этих теней затаилась в моей комнате. Вы зашли, и она... ну, вы поняли.

— Что? Брат Сяо, вы видели «Призрачных теней»?

— Именно. Я гнался за ними до самых стен. Одного удалось схватить, но он принял яд. Второму удалось уйти.

— Надо же... Значит, это они на меня напали...

— В любом случае, друзья, мне пора. Я еду на Кладбище мечей к своему учителю. Нужно обсудить, как бороться с этим культом. В последнее время я чувствую, что моих сил не хватает...

— Брат Сяо, я с тобой!

Ю Било вцепилась в его рукав. Мэнюань лишь обречённо улыбнулся.

— Что ж, поезжайте. Передайте почтенному старшему Сяо мой нижайший поклон.

Фан Шутун поклонился на прощание. Ханьянь всё ещё смотрела вслед с грустью.

— Сестра Лу... Ваш отец уже немолод. Почаще будьте рядом с ним, не стоит сейчас много путешествовать. Тем более, культ явно следит за крепостью.

— Хорошо, брат Сяо, я поняла. Я буду каждый день молиться богам, чтобы господин Мужун Пяо был в безопасности.

— Спасибо. Я верю, что А-Пяо выкарабкается.

Мэнюань вскочил в седло и, не дожидаясь Хозяина крепости Лу, погнал коня прочь. Ю Било, как приклеенная, последовала за ним.

— Госпожа Ю, а что это от вас так... специфически пахнет?

— Ой, замолчи! Это всё та баба с горшками...

Сяо Мэнюань нарочито зажал нос, а Ю Било едва не задымилась от ярости. Они оставили крепость Лу позади, направляясь к Кладбищу мечей.

***

В храме Нефритового Источника царила тишина. Цинцзин увёл братьев в лес за дровами, и Цинъюй остался один, затерянный в своих мыслях посреди пустого двора.

— Цинъюй, зайди ко мне.

Даос Юцюань поманил его, и юноша послушно вошёл в келью наставника.

— Как твои раны?

— Мастер, боли почти не осталось...

— Хорошо. Садись.

Цинъюй опустился на потрёпанный коврик, глядя в серьёзное лицо старика.

— Что наставник хочет мне сказать?

— Это обрывки твоих одежд. Те самые, что были на тебе, когда мы вытащили тебя из пропасти. Посмотри на них. Вспоминаешь что-нибудь?

Юцюань выложил перед ним куски дорогой ткани, украшенной изысканным шитьём.

— Нет, мастер... Я не узнаю этих вещей.

— Цинъюй, идущий по пути Дао должен быть честен. Ты вовсе не терял память, но почему-то упорно скрываешь, кто ты есть на самом деле...

— Наставник... я правда не помню...

— Твой пульс ровен. Внутренние повреждения ещё есть, но разум твой ясен. Ты не мог забыть себя! Кто ты?!

— Я... мастер... я...

— Если я не ошибаюсь, ты и есть тот самый «двуликий» хозяин дворца Сяояо, о котором гудит весь мир!

Юноша поник. В его взгляде промелькнула обречённость.

— Мастер... Я действительно Мужун Пяо, глава тринадцатого дворца Дворца Свободного Скитания.

— Послушай меня, господин дворца. Наш храм — лишь крошечная обитель у ручья. Мои ученики — простые люди, их жизнь тиха и бесхитростна. Я не хочу, чтобы они оказались втянуты в кровавые распри боевого мира. Я не допущу, чтобы это место захлестнула волна насилия. Поэтому, господин Мужун, прошу вас — покиньте храм немедленно!

— Мастер... Цинъюю больше некуда идти...

— Твой дом — Дворец Свободного Скитания на Крайнем Севере, у Потока Холодного Льда. Твои травмы не заживут окончательно, если ты не вернёшься к своей Кровати Чистого Нефрита и Холодного Льда. Ради твоего блага и ради мира в этой обители — уходи!

— Мастер... Простите меня. Я действительно притворялся, что ничего не помню. Но я не хотел лгать вам... Я просто... просто не хочу возвращаться. Я мечтал остаться здесь навсегда, забыть о прошлом. Умоляю, не прогоняйте меня!

— Ты — не тот, кто может вечно прятаться в тихой заводи. Река нашего храма слишком мелка, чтобы скрыть дракона.

— Я понял... Вы тоже презираете меня... Значит, моё существование и впрямь — лишь нелепая

шутка...

Мужун Пяо встал. Он взглянул на наставника, который уже закрыл глаза, погружившись в медитацию, горько усмехнулся и вышел вон.

***

Мэнюань внезапно натянул поводья и соскочил на землю.

— Брат Сяо, ты чего?

— Здесь монастырь. Я хочу зайти, возжечь благовония за А-Пяо.

— Да ты что, веришь во всё, что болтает эта Ханьянь? Если мы будем кланяться каждому столбу, то и к зиме не доберёмся до места.

— Знаешь, госпожа Ю, ради него я готов поверить кому угодно. Отныне в каждом храме на нашем пути я буду просить богов о его спасении. Если тебе жаль времени — дороги свободны, можем расстаться прямо сейчас.

Мэнюань решительно зашагал к воротам. Ю Било злобно зыркнула ему в спину, но тоже спрыгнула с коня.

***

Мужун Пяо бежал из храма, не разбирая дороги. Слезы душили его. Когда силы иссякли, он рухнул на траву у берега. Сердце ныло от невыносимой, непонятной боли.

Солнечные блики танцевали на воде. Пяо смотрел в прозрачную глубину Нефритового источника, словно в забытое зеркало.

— Великая госпожа, вы слышите меня? Зачем вы поставили мне это клеймо — метку Нефритового льда? Кто я теперь? Я даже не понимаю, мужчина я или женщина... Знаете, мне так дорог брат Сяо... Но это ведь смешно, правда? Глупо и нелепо. Я просто хотел покоя в горах, но даже наставник отвернулся от меня...

Он закатал рукав. Пятнышко «киновари девственности» на запястье сейчас казалось раскалённым клеймом.

— Я хранил эту чистоту, но мне никогда не стать прежним... Я не могу вернуться. Если меня не станет, Семь мечей Неба и Земли никогда не сойдутся вместе. И тогда брат Сяо будет в

безопасности...

Он поднялся и медленно пошёл к воде. Источник был невообразимо чистым.

— Простите, матушка... А-Пяо не суждено войти в Мир Луны. Но и видеть людей я больше не хочу. Пусть Нефритовый источник станет моей колыбелью. Через годы я стану лишь ледяным осадком на его дне...

Мужун Пяо улыбнулся. Вода коснулась его ног. Под воздействием его ледяной внутренней силы поверхность начала затягиваться тонкой коркой льда. Он чувствовал странное, пугающее облегчение...

— Цинъюй! Что ты творишь?!

Внезапная тень метнулась к нему. Сильные руки подхватили промокшего юношу и вытянули на берег. Пяо открыл глаза — перед ним стоял перепуганный Цинсюань.

— Наставник... он прогнал меня...

— Дурак! Если наставник прогнал, у тебя ещё шестеро братьев есть! Зачем сразу в воду? Я пойду и сам спрошу его, с чего это он решил тебя выставить! Господи, какой ты холодный... Ты что, совсем замёрз?

Цинсюань прижал его к себе, пытаясь согреть. Пяо чувствовал живое тепло, исходящее от брата, и, не выдержав, разрыдался, уткнувшись в его плечо.

— Ну-ну, тише. Какой же ты мужчина, если плачешь по любому поводу? Из любой беды есть выход. Ты слишком хрупкий, Цинъюй, это не дело. Надо становиться сильнее, понимаешь?

Цинсюань ворчал всю дорогу, но Пяо его не слушал. Он лишь крепче прижимался к старшему брату, боясь потерять это мимолётное тепло.

В храме уже ждал Цинцзин с остальными учениками. Увидев Цинсюаня с ношей на руках, он бросился навстречу.

— Старший брат, что с ним?

— Ты ещё спрашиваешь?! Как ты за ним смотрел?

— Да мы же дрова рубили!

— Замолчи! Я иду к учителю.

Цинсюань оттолкнул брата и ворвался в келью даоса. Он уже готов был разразиться гневной тирадой, но Юцюань опередил его:

— Входите, Цинсюань, Цинъюй. Я ждал вас.

Старший ученик бережно опустил Пяо на пол и рухнул на колени. Его лицо пылало от негодования.

— Учитель! Вы всегда учили нас состраданию. Почему же вы гоните этого несчастного? Посмотрите на него — он же совсем один! Неужели ваше сердце так ожесточилось?

— Цинсюань, выйди. Мне нужно поговорить с ним наедине.

— Но, мастер...

— Выйди!

Цинсюань нехотя повиновался. Юцюань тяжело вздохнул и покачал головой.

— Глупое дитя... Ты хотел достичь ледяного совершенства в моём источнике? Но ведь Поток Холодного Льда — это средоточие великого Инь, а Нефритовый источник — это вода запредельной мягкости. В ней нельзя обрести тело Чистого Нефрита и Холодного Льда.

— Я не хотел совершенства. Я хотел вечного сна.

— Эх... Не от жестокости я прогонял тебя. Но ты опутан путами страсти, и это погубит тебя. Останешься ты здесь или уйдёшь — ты всё равно будешь страдать. Цинсюань и Цинцзин — простые души, я не хотел, чтобы ты увлёк их за собой в свою бездну...

— Из-за меня...

— «Меч Свободного Скитания, красота, пленяющая мир». Пусть ты не женщина, но ты способен вскружить голову любому. То, что твои Инь и Ян перепутаны — не твоя вина. Но как ты оправдаешь то, что невольно искушаешь смертных?

— Мастер, что мне делать? Мне больно... Я чувствую себя чудовищем...

— Ох, карма... Дао учит следовать природе вещей. Раз так — оставайся. Я начну учить тебя нашему внутреннему искусству. Оно не так сильно, как твой женский стиль, но оно поможет

уравновесить Инь и Ян в твоём теле. Ты обретёшь покой.

— Наставник... вы правда позволите мне остаться?

— Отныне в храме Нефритового Источника станет одним Цинъюем больше, а в боевом мире — одним господином дворца меньше.

— Спасибо, учитель!

— Ступай. Сам объяснись с братьями, придумай что хочешь, лишь бы вы были счастливы.

Мужун Пяо отвесил земной поклон и, сияя от счастья, выбежал из кельи. Юцюань смотрел ему вслед, гадая, не совершил ли он сейчас самую большую ошибку в своей жизни...

<http://bllate.org/book/17412/1659136>